

Дэля Цветковская

Пигмалион поневоле

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дэлия Цветковская

Пигмалион поневоле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66435274

SelfPub; 2021

Аннотация

В вагоне метро оставляют сумку – прямо на глазах у изумлённых пассажиров. Как теперь быть с этой бесхозной вещью (которая оказывается не совсем вещью)? И что ждёт того, кто решится взять её с собой? На долю смельчака выпадают совсем необычные трудности. И конечно – заслуженная награда...

Содержит нецензурную брань.

Дэлия Цветковская

Пигмалион поневоле

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Сокольники». Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи.

Голос диктора смолк. Но ещё до того, как двери поехали навстречу друг другу, девушка в жёлтом пальто резко поднялась с места и успела-таки выскочить на платформу. Буквально в последнюю долю секунды. Двери за нею мягко вздохнули и закрылись. Поезд двинулся.

И всё бы ничего – мало ли пассажиров покидают поезд метро в последний момент, едва не пропустив нужную станцию – вот только одна загвоздка: сумка пассажирки в жёлтом пальто осталась на сидении. То есть, девушка сделала именно то, от чего её предостерегал заботливый диктор. А именно – забыла свою вещь при выходе из поезда.

В этот вечерний час пассажиров в вагоне было немного. Почти все они сидели, и пустой проход между сиденьями позволял взглядам скользить во всех направлениях. Так что факт забытой сумки тут же стал общественным достоянием.

Пару секунд стояла тишина – видимо, каждый из оставшихся пассажиров решал для себя, насколько его лично касается данная ситуация, стоит ли как-то на неё реагировать, а если реагировать – то как именно. Но все – так ли, сяк ли

– потихоньку осознавали свалившуюся на них ответственность.

Первым «очнулся» непосредственный сосед покинувшей поезд девушки, длинноволосый тощий парень в очках, довольно хлипкого телосложения, который нерешительно потянулся к оставленной сумке и даже успел уже взять её за ручки, когда с противоположного диванчика раздался скрипучий голос:

– Молодой человек! Сумочка-то не ваша. И что ж вы за неё хватаетесь?

На него ревниво глядела сморщенная старушка с глазами-буравчиками и укоризненно качала головой.

– Да я... просто хотел... вернуть её хозяйке, – смутившись, стал оправдываться парень.

Но старушка не повелась на такое оправдание и строго заметила:

– А вы её знаете? Хозяйку-то... Что-то не похоже! Я тут давно еду и могу сказать наверняка, что вы с нею вовсе не знакомы. Она совсем с другим в этом вагоне ехала. Высокий такой, в чёрной куртке. Они на «Лубянке» зашли. Потом он как раз первый на «Красносельской» и вышел. А она его догонять кинулась. Поссорились, видать... Вот она в расстройстве-то сумку и забыла. Ясное дело, до сумки ли тут!

Точность истории, изложенной старушкой, поражала воображение. Она ни в чём не ошиблась, всё так и было. И молодой человек мог бы сам в этом присягнуть, ибо тоже ис-

подволей наблюдал за этой парой, но совсем по другим причинам. Дело в том, что ему очень понравилась девушка в жёлтом пальто. Вот как только они зашли, эти двое – он в чёрном, она в жёлтом – так сразу и понравилась. Так что и он заметил, что между молодыми людьми где-то пробежала кошка (тоже, похоже, чёрная). Однако тощий парень почему-то не испытывал никакого сожаления по этому поводу, а, скорее, даже был рад, что прекрасная незнакомка хмурится и отворачивается от своего «красавчика», да и тот явно чем-то раздосадован.

В душе юного наблюдателя девушка в жёлтом пальто тут же получила статус «девушки-мечты», хотя трезвый разум тут же напомнил ему: «Посмотрись в зеркало! Или хотя бы в стекло вагонное... Видишь этого хлюпика в очках? Это ты! Так что тут тебе ничего не светит...» «Но помечтать-то можно?» – робко возразила воспарившая душа. «Мечтай- мечтай... – усмехнулся разум, – это не возбраняется». И вот тут-то всё и случилось.

После секундной оторопи душа подпрыгнула и затрепетала: вот он, единственный шанс! Он может разыскать девушку и вернуть ей сумку! Благая цель и замечательный повод – ведь тогда они познакомятся... как минимум. Но бдительная старушка напротив, кажется, думала иначе – она так и буравила парня глазами. И под её взглядом душа дрогнула и заколебалась.

Неожиданно на выручку молодому человеку пришёл ра-

ботяга в сером свитере и пиджаке нараспашку. Был он чуть навеселе – (так же ж пятница-вечер!) – и готов к любым дебатам.

– Это ж надо, какая наблюдательность! – воскликнул он. – Пряма местный Швондер! Не завидую соседям!

– А я не завидую вашим! Каково им – с алкашом рядом жить! – парировала старушка, презрительно глянув на непрошенного собеседника. И добавила запоздало: – Сам Швондер!

Мужик набычился было, вставая с сиденья, но неожиданно расслабился и расхохотался:

– Не-е, мои-то не жалуется. Я и дома редко бываю, если что. Дальнобойщик я. А вот твои-то – всегда под приглядом, да? – и он подмигнул старушке.

Худошавый парень в растерянности переводил взгляд с одного на другого – похоже, в вагоне назревал конфликт.

К счастью, в разговор вступил приличного вида мужчина в коричневом пальто, из-за лацканов которого франтова выглядывал шёлковый шарфик. Он вернул дискуссию к предмету, из-за которого всё началось:

– Юноша, я предлагаю проверить содержимое сумки – вдруг там есть документы или что-то, что может прояснить личность владелицы.

– Точно, студент! – тут же перешёл к делу дальнобойщик. – Глянь, что там! Время-то тикает – тик-тик...

«Интересно, откуда он узнал, что я студент? Неужели это

прямо написано у меня на лбу?» – подумал парень (он и вправду был студентом четвёртого курса филфака МГУ).

Тем не менее, получив поддержку общества, он уже уверенно взялся за ручки и чиркнул молнией. Все заинтересованные лица придвинулись поближе.

«Тик-тик-тик...» – послышалось из сумки.

– Это же бомпа! – взвизгнула бабуля и резво отскочила подальше от опасного предмета.

Шарахнулись и остальные пассажиры. На месте остался только студент-филолог, который был абсолютно уверен в том, что прекрасная незнакомка в жёлтом пальто никак не могла быть террористкой.

– Жё... па! – неожиданно ответила сумка.

Юноша тихо ойкнул и попятился. Дальнобойщик, напротив, хрюкнул и, сделав широкий шаг, встал рядом со смельчаком. Так, плечом к плечу, они оба с любопытством заглянули в недра оставленного багажа.

Там оказалась картонная коробка. Угол её был продран, и внутри кто-то копошился. Потом в дырку просунулся кривой чёрный клюв и, подобно мощным клещам, отодрал ещё кусок картона, расширяя отверстие.

– Так палец и перекусит... только сунь, – задумчиво пробормотал дальнобойщик.

– Это же... попугай! – потрясённо воскликнул студент.

– Попа! – подтвердил обитатель сумки и добавил непечатное ругательство.

– А кроме попугая там ничего нет? – спросил приличный гражданин. Хотя бомбы, по всем признакам, в сумке не было, он предпочитал давать советы на расстоянии. Видимо, попугаи у него тоже не пользовались особым доверием.

– Не-а, ничего... – констатировал дальнбойщик, поглубже заглянув в сумку.

– Большие попугаи, кстати, немалых денег стоят... – ни к кому не обращаясь, а просто отмечая сей факт, произнёс мужчина в коричневом пальто.

Пара гастарбайтеров, которые до того держались поодаль, о чём-то перекинулись несколькими словами на непонятном языке и приблизились к центру событий. Девушка, стоявшая у дверей спиной к происходящему, вытащила наушники из ушей и с интересом обернулась. А вот бабуля явно потеряла к сумке всякий интерес.

– Совсем всякий стыд потеряли, – прошипела она. – Это ж чему птицу учат! Охальники! Да ещё как напугали... Тьфу на вас!

Молодой человек посмотрел на старушку и решительно застегнул молнию.

– Правильно, а то вырвется ещё... – одобрил дальнбойщик, с опаской поглядывая на сумку и с интересом на студента. – Чего с ней делать-то будешь?

– Сейчас на «Сокольниках» выйду, – как бы размышляя вслух о своих дальнейших действиях сказал юноша, – и подожду на станции. Вдруг хозяйка опомнится и следующим

поездом приедет. Надо вернуть птицу! Она же... живая.

– И то верно, – опять поддержал его рабочий человек. – И я с тобой чуток подежурю. А то... мало ли чего, – и он выразительно глянул в сторону гастарбайтеров, поскольку те встали у дверей и очевидно тоже собирались покинуть поезд на следующей станции. – Да и на хозяйку диковинной птахи охота взглянуть, – вдруг снова засмеялся дальнбойщик, – узнать, откуда у ней... у её... гм... такой уровень образования.

– Станция «Сокольники», – послышался голос из динамиков и поезд замедлил ход.

Спасатели попугая подошли к дверям. Вслед им заклинанием пифии донеслось последнее замечание старушки:

– Не зря объявляют: «Не прикасайтесь к оставленным предметам... Вот теперь пускай и мыкаются... с этим». – И в голосе её сквозило нескрываемое злорадство.

Парень дёрнулся было, но старший товарищ успокоительно хлопнул его по спине:

– Да не слушай этого Швондера!.. Тебя как звать-то, студент?

– Леонид, – ответил тот, выходя на платформу.

– А меня – Василий Анатольевич, но можно просто – Анатолич... Ну, чего стали? Шагайте себе! – прикрикнул он на приостановившихся было гастарбайтеров, которых явно интересовало «что будет дальше».

Те поняли, что им не рады, и отправились себе восвояси,

уже не оглядываясь.

Лёня с Василием Анатольевичем дождались следующего поезда. Потом следующего. И пятого, и десятого... Девушка в жёлтом пальто так и не приехала.

– Ну, что с этим хулиганом будем делать, Лёня? – спросил дальнобойщик. – Может, в полицию его сдашь, а? В отдел забытых вещей.

– Да как же, Василий Анатольевич, – слабо запротестовал юноша, – он же живой! Кто его кормить там будет? А вдруг он от стресса умрёт?

– Так как его хозяйку найти? Может, домой его пока заберёшь?

– Нет! Домой я никак не могу! – с жаром воскликнул Лёня, похолодев от одной мысли, что будет дома, как только попугай откроет клюв и выдаст какой-нибудь из своих перлов.

– Тогда – в полицию, – решительно заключил Василий Анатольевич. – Мне его тоже – некуда. Уезжаю в рейс через два дня. А тут... Никого мы тут не дождёмся. Это уже ясно.

Спасатели понуро побрели искать отделение полиции. Лёня шёл, раздираемый внутренней междоусобицей, которую устроили ему на беду два его вечных советчика-противника, имя которых – душа (поддерживаемая совестью и чувством долга) и разум (питаемый здравым смыслом и чувством самосохранения). Пока побеждал разум: попугая никак нельзя было нести в дом.

Отыскав дверь с табличкой «Полиция», юноша решитель-

но толкнул дверь. Анатолийч притормозил – вперёд он не рвался. В комнате, куда они попали, оказалось только одно лицо (по всей вероятности – должностное) – девица с короткой белой косой, напоминающей снегурочкину, и уже в пальто: видимо, она как раз собиралась уходить.

– По какому вопросу? Почему без стука? – строго спросила представитель закона, адресуясь именно к старшему, Василию Анатольевичу, и интуитивно чувствуя некоторую его робость и слабину в данном конкретном месте.

– .ука! – бодро ответили, как ей показалось, из большой чёрной сумки, которую бережно держал перед собою художавый парень.

Девица оторопела.

– Это вы мне?! – Брови её поползли вверх, лицо вытянулось.

– Н-нет... – пролепетал Лёня, приходя в ужас от наглости неразумного попугая и не зная, как заставить того помолчать в этот ответственный момент.

– Значит, вы врываетесь и с порога начинаете меня оскорблять!.. – краснея и уже закипая от ярости опять начала девица.

Но её опять прервали.

– .лять! .лять! – с готовностью подтвердила сумка.

Лёня не выдержал.

– Да замолчи ты! – в отчаянии рывкнул он сумке. И, обращаясь ко вновь потерявшей дар речи полицейской даме,

добавил упавшим голосом: – Это я не вам... Это я ему... В то время как в мозгу его явственно прозвучало: «Всё. Это конец. Нас задержат до выяснения».

Видимо, то же самое прозвучало и в голове дальнобойщика, потому что он попятился и пробормотав: «Я тебя лучше снаружи подожду», выскользнул из помещения. А Лёня остался. Куда ему было бежать с этой сумкой? Да и не привык он скрываться от полиции.

Девушка тем временем энергично набирала чей-то номер и что-то шептала себе под нос.

«Шутки вздумали в полиции шутить... Телефончик настроили... Сейчас-сейчас...» – разобрал парень зловещее шипение.

– Да выслушайте же меня! – закричал он наконец, совсем ошалев от всей этой дурацкой ситуации и полного непонимания со стороны представителя закона. – Это не мы!.. Не я... и никакой не телефон! Это попугай там в сумке сидит! А сумку в вагоне метро оставили. Ну, то есть, забыли... Прямо при мне. Надо её хозяйку найти!

– Это как – забыли – при вас? – не поняла служащая полиции. И, осознав сказанное, воскликнула недоверчиво: – Это что же, попугай меня матом обложил? А ну, покажи, что там у тебя!

Лёня, вздохнув, расстегнул молнию и женщина склонилась над сумкой. Увидев продранную коробку и торчащий из неё крючковатый клюв, она не смогла сдержать накативших

чувств:

– .. твою мать!

– .... мать! Мать! .. твою мать! – обрадовалась птица достигнутому взаимопониманию.

– Вот видите? – обречённо сказал Лёня. – Я же говорил.

– Ну, даже и не знаю, что вам сказать, – призналась представитель закона. Вид у неё и правда был совершенно обалделый. – А от нас что хотели-то?

– Чтобы вы хозяйку попугая помогли найти, – опять стал объяснять юноша. Он рассказал, как всё было и спросил в заключение: – А у вас есть такое место, где содержат найденных животных? Ну, пока их хозяева объявятся.

На что девица фыркнула и посмотрела на него как-то странно.

– Не думаю, что... э-э... это возможно, – наконец, произнесла она. – Тем более – такое животное. Неординарное. Вот если б только сумка... Тогда – да, есть склад забытых вещей.

– Нет, сумка без попугая – никак, – энергично замотал головой Лёня.

Подумав, служащая потёрла переносицу и нерешительно сказала:

– Надо, пожалуй, составить заявление – о том, что найден попугай. И давайте сюда паспорт, я сниму копию.

Слава богу, паспорт у Лёни был с собой и заявление он быстро написал, но вот что именно делать с попугаем дальше было вовсе непонятно. Поколебавшись, женщина решилась:

– Придётся начальство побеспокоить. – Она набрала номер. – Николай Николаевич, вы не могли бы в дежурку зайти? Да, прямо сейчас. Что? Нет, сама не могу разобраться, тут вопрос не тривиальный... – и она покосилась на чёрную сумку.

Начальство появилось довольно скоро – в виде двух представительных корпулентных мужчин в форме. Кто из них главнее, Лёня определить не смог: они держались друг с другом весьма по дружески и никакой субординации не соблюдали. Узнав, в чём суть проблемы, потребовали предъявить попугая. А когда девица с белой косой пожаловалась, что тот ругается почище Иван Иваныча, Николай Николаевич (повидимому, её начальник) сказал, что это она преувеличивает, потому что Иван Иваныча никто переплюнуть не сможет. И чтоб доказать это, полицейские устроили попугаю форменный экзамен на знание всех специальных слов и самых заковыристых выражений, многие из которых сам Лёня (напомним – будучи студентом-филологом) никогда не слышал. Женщина-полицейский на время экзамена предпочла пойти покурить.

В общем, похоже было, что по мнению экспертов птица выдержала испытание на самом высшем уровне, то есть, практически сравнялась в своих познаниях с мифическим Иваном Иванычем (хотя Лёня порадовался, что с ним незнаком). Во всяком случае, экзаменаторы смеялись до слёз, до колотья в бок (у того, что был потолще).

Отсмеявшись, тот, у которого закололо в боку, спросил у своего приятеля:

– Федь, может, заберёшь птицу? Это ж уникам! И уже дрессированный. Когда ещё такое встретишь?

Второй полицейский крякнул и почесал макушку.

– Согласен, приколот знатный. И... я бы с удовольствием взял, но... Коль, ты ж знаешь Светку! Боюсь, она меня из дому выставит вместе с попугаем этим. Может, ты сам его возьмёшь?

– Да ты что, Федюх! У меня ж дети! – замахал руками Николай. – Никак это не возможно... Хоть и жаль, конечно. Я б его усыновил...

Лёня, исполнявший во время учинённого полицейскими «дознания» роль молчаливого свидетеля, вдруг почувствовал, что совершенно неожиданно для себя попадает под действие некоей силы – той, которая в борьбе за власть в его сердце выступала под лозунгами «совесть» и «сострадание». И что он просто вынужден сказать то самое слово, которое обречёт его на долгие муки и, скорее всего, превратит его жизнь в ад. Да, та часть его существа, где господствовал разум и здравый смысл, прямо-таки кричала ему об этом. Но он его всё же сказал, это слово.

– Не надо никого усыновлять. Я заберу попугая, – услышал Лёня свой, какой-то незнакомый, чуть хриловатый голос.

Полицейские разом повернулись к нему.

– Заберёшь? Вот и ладно... – произнёс Николай. Однако в голосе его послышалось Лёне некоторое разочарование вкупе с явным облегчением. Вопрос был решён.

Второй – Фёдор – ничего не сказал, но посмотрел на юношу с откровенной жалостью.

«Что ты наделал!» – отчаянно закричал внутренний голос, подстрекаемый разумом. Но Лёня его уже не слушал – он понял, отчего так вышло.

Дело в том, что когда полицейские открыли сумку и вытащили коробку, в которой сидел попугай, тот вырвался и, перелетев через стол, ринулся напрямёхонько к студенту, стоявшему одиноким столбом посреди комнаты. Словно почувствовал в нём свою главную опору и защиту. И всё время «беседы» попугай сидел на плече у Лёни, который окончательно остолбенел и не делал никаких попыток освободиться от роли птичьего насеста.

Но – странное дело! – речь попугая в ответ на произносимые мужчинами выражения была грязной, слова – грубыми, но сама птица показалась юноше на удивление ласковой и милой. Она так нежно прижималась к его шее, тёрлась клювом об ушко и щёку и аккуратно переступала лапками по плечу – вправо-влево... при этом весело выкрикивая самые страшные ругательства.

«Он же не ведает, что творит!», – внезапно осенило Лёню. Какой-то злой «шутник» научил его этому, сделав «неприкасаемым» для большинства нормальных людей и лишив тем

самым шанса на хорошую семью, уход, любовь и ласку. А попугай – он просто доверчиво повторял – всё, что слышал от того, с позволения сказать, человека. Наверное, бедняге казалось, что так он становится ближе хозяину, раз говорит с ним на одном языке.

А как же это – «мы ответственны за тех, кого приручаем?» – поднял голову «голос справедливости» в Лёниной голове. Ведь теперь этого несчастного не хотят брать к себе даже те, кто не считает сквернословие особым грехом – вон как эти, которые хохочут сейчас до упаду. И что остаётся такой «падшей» птице – только смерть? Но ведь на самом-то деле «падшая» вовсе не она, а люди...

«На лицо ужасные, добрые внутри...» – зазвучала в памяти популярная песенка, которую пел когда-то Андрей Миронов.

«Вот и я такой же... И попугай... Мы оба – добрые внутри, хотя и страшненькие снаружи – каждый по своему, – подумал Лёня. – Значит, я должен что-то сделать для него. Как-то спасти».

Вот так и получилось, что теперь ему ничего не оставалось, кроме как посадить попугая обратно в коробку и застегнуть молнию на чёрной сумке. Что он и сделал со всей аккуратностью. Птица не сопротивлялась.

– Что ж ты с ней делать-то будешь? – спросил сердобольный Фёдор.

– Постараюсь найти хозяйку. А пока – буду перевоспиты-

вать, – ответил юноша, сам, впрочем, понимая, что дело это (и то, и другое), скорее всего, гиблое.

Николай присвистнул:

– Да ты что, парень, того? Не понял что ли, что владелице он не нужен – такой? Она ж сама попыталась от него избавиться! В метро вот нам подкинула... А мы теперь – мучайся, решай – куда его девать.

И хотя решать с попугаем уже ничего было не нужно, вид у полицейского почему-то стал обиженный.

Ничего нового он, конечно, не сказал. Лёню уже давно посещала такая мысль, только он старался её всячески гнать: играл в прятки с самим собой. То есть, говорил себе: «Я найду способ исправить птицу, чтобы она не ругалась. И разыщу девушку в жёлтом пальто. Может, она будет мне благодарна, и тогда...» Впрочем, додумывать эту, вторую, мысль ему сейчас было некогда. Так что молодой человек решительно взял сумку с попугаем и сказал:

– Спасибо, что попытались помочь. Буду сам думать, как быть. Может, объявление напишу.

– Во-во! Попробуй объявление, – опять развеселились полицейские. – Но на результат особо-то не рассчитывай...

– Кстати! Не вздумай расклеивать объявления в метро. Это строго запрещено. Штраф! – предупредил Николай. – И уж тебя-то мы точно найдём... если что.

Лёня молча кивнул и вышел из помещения полиции. Откуда-то из дальнего угла вестибюля выскользнул дальнобой-

щик.

– Ну, что? – озабоченно спросил он. Хотя и так всё было понятно: вот она, большая чёрная сумка, налицо.

– Не взяли, – обречённо махнул рукой Лёня, чувствуя, вопреки всей ситуации, тёплую радость в груди – оттого что Анатолич не ушёл, дождался.

Тот вздохнул.

– Эх! Я так и думал... И что ж ты с этим прохвостом делать-то будешь? – задал он вопрос, ставший для юноши уже привычным, риторическим.

– Ничего... Придумаю, как хозяйку найти.

Парень бодрился, хотя на сердце у него было вовсе не так радужно, как он попытался изобразить.

– Ну, молодец, молодец, – скороговоркой заговорил дальнобойщик. – Пора мне... А то уж поздно совсем. Ты давай, студент, того... не унывай.

Приподняв на прощание согнутую в локте руку со сжатым кулаком: «Держись! Ротфронт!», Анатолич заспешил обратно к поездам. А Лёня поплёлся к выходу из метро – он жил как раз здесь, на станции «Сокольники».

* * *

Придя домой, Лёня первым делом проверил – закрыты ли все окна. Закрыв дверь в мамину комнату. Слава богу, что она пока в санатории, и ещё неделю там будет. Это повезло, точно. Но вот о том, что будет, когда она вернётся, юноша старался не думать.

Нет, он, конечно, любил маму. И отношения у них всегда были хорошие. Но именно поэтому он и не хотел их портить. А травмирование маминого слуха (да и своего тоже) выкриками пернатого сквернословя – это верный путь к накалённой атмосфере в доме. Это Лёня понимал.

Он достал коробку с попугаем и осторожно выпустил того на свободу.

– Извини, клетки для тебя у меня нету, – сказал невольный обладатель. – Постарайся не разнести квартиру до маминого возвращения.

Но попугай оказался никаким не хулиганом: по комнате носиться не стал, а сразу занял уже привычное место на Лёнином плече – видимо, оно показалось ему наиболее надёжным в новом и незнакомом пространстве. Дома юноша как следует разглядел своего нового подопечного. Это был попугай среднего размера, весь серый и с красным хвостом.

– Красавец! – невольно вырвалось у Лёни.

И попугай тут же отреагировал на знакомое слово:

– Краса-а-вец, – прокрипел он.

И не успел юноша обрадоваться, что оказывается, птица знает и вполне хорошие слова, тут же добавил:

– За-сра-анец...

Лёня грустно вздохнул. И это только начало. Как дальше жить? И, отвечая самому себе, сказал вслух:

– Первое, что я должен сделать, это покормить тебя. Хочешь кушать? – Поскольку попугай ничего не ответил, юно-

ша настойчиво повторил: – Кушать! Кушать! – Он достал батон хлеба и отломил кусок. – Будешь это?

Попугай взял хлеб, уронил на пол и посмотрел ему вслед.

– Понятно... Тебе надо что-то другое, – догадался Лёня. – О! вспомнил! Кажется, попугаи любят бананы, да?

Банан попугаю понравился. Он сразу проглотил предложенный кусочек и попросил ещё, трогательно протягивая лапку. Дело пошло. Лёня подумал – какая удача, что сам он тоже любит бананы, так что эта еда всегда присутствует в доме. Тем не менее, он заглянул в интернет, чтобы поточнее узнать, чем кормят попугаев знающие люди. Через полчаса молодой человек уже вкратце представлял себе, какое это нелёгкое бремя – быть правильным хозяином попугая жако.

То, что «его» попугай именно жако, Лёня понял из фотографий в сети и надписи на коробке, в которой прежде сидела птица. При внимательном рассмотрении оказалось, что там так и написано: «Жако Гога».

– Значит, ты Гога, – задумчиво обратился к попугаю новый хозяин.

– Гога, Гога, – подтвердил тот.

– А знаешь, мне это имя не нравится, – решительно заявил Лёня. – Я буду звать тебя Гораций. Ну, или Гёра, если так тебе проще. Ничего, привыкнешь. Я смотрю, ты умный.

Словно поняв, что его хвалят, Гораций потоптался на плече хозяина и потёрся головкой о его щёку.

– Гога, Гога, – ласково курлыкал он.

– Гòра, Горацій, – твёрдо сказал Лёня.

Так началось перевоспитание попугая.

* * *

На следующий день с утра, прихватив с собой попугая – а то мало ли чего тот натворит, оставшись в одиночестве! – молодой человек отправился в зоомагазин. Нужно было купить клетку, чтобы было где оставлять Горация, когда уходишь из дому, ну, и много всего другого в придачу. Ещё Лёня расклеил объявления о том, что найден попугай – и у метро «Сокольники», и у «Красносельской». Почему-то ему казалось, что девушка в жёлтом пальто обитает где-то в этом районе.

Вернувшись домой, он установил клетку в своей комнате и попугай был водворён на новое место. Однако в клетке Горацию не понравилось – он стучал клювом по прутьям, жалобно свистел и... грязно ругался.

– Ладно, летай пока на свободе, – пошёл на уступки Лёня. – Только если не будешь сквернословить. Лучше повторяй за мной – я плохого не скажу...

Казалось, Гòра понимает, что хозяину не нравится его разговор. Во всяком случае, он стал произносить меньше бранных слов, а больше вслушивался в то, что говорил новый хозяин. Видимо, такая речь была для него непривычной. И Лёня понял: вот он, путь! Надо обрушить на Горация такой объём новой информации, чтобы вытеснить прежний багаж плохих слов из попугайской головы и заменить их но-

выми, причём в гораздо большем количестве. Тогда для старых просто не останется места! И главное – никакого подкрепления прежних привычек.

Повеселев от того, что наметился план, юноша тут же приступил к его претворению в жизнь. Он разговаривал с попугаем, читал ему стихи, озвучивал каждое своё действие. Например, направляясь в ванную с птицей на плече, Лёня тархтел, как какая-нибудь бабуля, окончательно выжившая из ума от одиночества и беседующая со своими чайниками и полотенцами:

– А вот сейчас мы краник открыли... Берём мыло, ручки моем... Краник закрыли. Повора-ачиваемся... Здравствуй, полотенце!.. Сейчас будем ручки вытирать...

– .. твою мать... – изумлённо отвечал попугай.

Только Лёня старался подобных реплик Гòры как бы и не замечать, а продолжал гнуть свою линию. Так что к концу дня он совершенно уболтался, язык стал заплетаться, но и Гораций выглядел задумчивым и даже несколько ошарашенным: видимо, он такого ещё не встречал – чтобы кто-то переплюнул его самого по части болтовни.

Устроив таким образом за выходные попугаю «взрыв ума», в понедельник Лёня поехал в Университет, учиться. Но ему показалось, что это, скорее, отдых – настолько он устал за эти выходные. Окружающие могли заметить, что юноша был очень молчалив в этот понедельник, да и в последующие рабочие дни тоже. Он предпочитал слушать, а

не разговаривать. Собственно, он набирался сил для вечерних (и утренних) поучительных бесед с попугаем. Зато Лёнины усилия стали приносить плоды: за эту неделю Гораций выучил несколько новых слов, а старых, не подкрепляемых практикой, использовал меньше. Однако суббота – день возвращения матери – не обошлась без казуса.

Впрочем, сюрприз в тот день ожидал не только Лёнину маму, но и самого Леонида. Потому что мама приехала из санатория не одна, а с каким-то мужичком, которого она представила сыну как своего друга, Владимира Сергеевича. Но ещё до того, как мужчины были представлены друг другу, и произошёл тот самый казус.

У мамы была давняя привычка – появляясь в квартире, она громко объявляла: «Сынуля, твоя мать пришла, молочка принесла!» Ну, чтобы любимое чадо вышло её поприветствовать. Вот и теперь, открыв дверь своим ключом, родительница вошла в дом и произнесла свою обычную фразу. А Лёня не был готов в этот момент к её появлению и не успел набросить большой чёрный платок на клетку с попугаем (так его научила умная девушка в зоомагазине – чтобы птица замолчала в темноте). Так что Гораций, услышав знакомое слово, тут же истолковал его по-своему и выдал своё коронное «.. твою мать» голосом, очень похожим на Лёнин – не зря же он с таким вниманием слушал нового хозяина целую неделю! Конечно, Лёня тут же накрыл клетку и попугай больше не выступал (пока!), но... «слово – что воробей: вылетело –

не поймаешь». И пока сын сделал три глубоких вдоха, готовясь выйти из комнаты и объяснить ситуацию, он услышал, как незнакомый дяденька в прихожей весёлым шёпотом сказал его матери:

– А говорила – ботаник... филолог... Нормальный парень! Всё поймёт...

В общем, несмотря на брошенный матерью странный взгляд, Лёня счёл за лучшее не рассказывать пока про попугая. Если б мать была одна – другое дело. А так... засмеют. Уж лучше он дождётся, когда её друг уйдёт, тогда и скажет. Но дело повернулось совсем неожиданным образом. Когда они дружно попили на кухне чай, мать вдруг сказала, смущаясь и краснея (что для Лёни было и вовсе – диво дивное!):

– Сын, ты уже совсем взрослый, самостоятельный стал... Как ты посмотришь, если я у Владимира Сергеевича пока поживу? Справишься без меня? Обеды я тебе, конечно, буду завозить.

Лёнины мысли просто устроили чехарду! Это что – он один будет жить – сам себе хозяин?! И мать ещё спрашивается – у него?! От таких новостей Лёня чуть не пошёл плясать вприсядку вокруг стола. Но вовремя опомнился – а то мать обидится ещё! – и скромно ответил:

– Конечно, мама! Я буду рад... то есть, делай, как тебе удобнее! Я справлюсь...

Мать опять странно посмотрела, но время для разговоров было явно неподходящее, так что она сказала только «Ага»

и пошла собираться.

Вечером Лёня сплясал-таки «джигу» на кухне – от избытка чувств. А Гораций прокомментировал этот танец одним из своих старых словечек – тоже, наверное, от избытка чувств. Тогда юноша взял книгу и стал читать попугаю «Илиаду». И тот сразу замолчал.

Итак, всё устроилось как нельзя лучше. Время шло. Лёня продолжал воспитывать попугая. Читал ему вслух стихи и болтал без стеснения о чём угодно, не боясь быть услышанным. Любимые строки мог повторять по многу раз. Для филолога это – одно удовольствие. Понемногу лексикон Горация менялся. Как и предполагал молодой человек, новое вытесняло старое. То есть, выучивая всё новые слова, попугай забывал те, которых он давно не слышал.

Теперь от Гдры запросто можно было услышать: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» Потом попугай останавливался и повторял в раздумье: «Су... су...», будто бы припоминая, что было там когда-то и другое слово, вспомнить которое он никак не мог. А поскольку со стороны нового хозяина он не встречал в этом ни помощи, ни поддержки, то просто махал крылом на прошлый опыт и целиком отдавался новому.

Лёня был последователен. Раз он принял когда-то решение – для них обоих – перестать быть «страшненькими», то должен был этому решению следовать. И если с Гдрой он уже преуспел, пора было приниматься и за себя. Поэтому Лёня

пересилил свою лень и страх перед физкультурой и стал ходить в спортзал. Результаты и там не заставили себя долго ждать.

– Нюхом чую, твой сын влюбился, – сказал как-то Владимир Сергеевич Лёниной маме. – Вот увидишь, я прав. Девушка у него появилась.

– Да попугай у него появился, а не девушка, – вздохнула та. – В курсе я...

Собственно, они оба были правы. Лёня действительно не мог забыть девушку в жёлтом пальто, бывшую хозяйку Гёры. И хотя по его объявлению так никто и не позвонил, он не оставлял надежды как-нибудь встретиться с ней в метро. Лёня не просто мечтал, но и кое-что делал для этой встречи. Только это было его тайной за семью печатями.

Так как девушка его мечты покинула вагон на станции метро «Красносельская», молодой человек имел основания предполагать, что с этим местом её что-то связывает. А значит, рано или поздно она снова появится на этой станции. Надо только иметь терпение и подождать. И Лёня завёл такую привычку: почти каждый день – если только не было каких-то очень срочных дел – он пару-тройку часов проводил на «Красносельской». Приходил, садился на единственную лавочку (она была как раз напротив того места, где он тогда, в конце сентября, первый и последний раз увидел девушку в жёлтом пальто), ставил рядом с собой большую чёрную сумку и расстёгивал молнию – чтобы Горацию не было скучно и

страшно в темноте. Потом вставлял в уши наушники и слушал лекции – не терять же время впустую! – не забывая при этом зорко следить за прибывающими поездами и снующими пассажирами. Вместо выброшенной картонной коробки он давно приобрёл попугаю переносную маленькую клетку, которая как раз помещалась в чёрную сумку. Так что птица была устроена с относительным комфортом и скоро привыкла к этим посиделкам в метро. Иногда Гёра даже передразнивал голос диктора: «Осторожно, двери закрываются...»

Прошёл месяц, потом ещё один, и ещё... Как-то вечером Лёня, по обыкновению сидя на скамейке в метро, так увлёкся интереснейшей лекцией про исторические анекдоты, что и думать забыл глядеть по сторонам (да кто угодно потерял бы бдительность, слушая такое!). Его вернул на землю – вернее, на станцию – негромкий возглас: «Вот это встреча! Здравствуй, Леонид!» Лёня поднял глаза – перед ним стоял Анатолич, собственной персоной.

– Ну, ты даёшь, студент! – с весёлым изумлением продолжал тот. – А я тебя из поезда ещё вчера заметил! Гадал – ты или не ты... Сегодня гляжу – опять сидишь! Тут уж я не выдержал: думаю – надо подойти поздороваться. Ты кого ждёшь-то?

Лёня смутился.

– Да я, собственно... – и посмотрел на чёрную сумку.

Тут и дальнобойщик её узнал. Глаза у него полезли на лоб и выдохнув «Ни фиги себе!» он плюхнулся на лавку рядом

с сумкой.

– Пожалуйста, Василий Анатольевич, не употребляйте ни одного грубого или бранного слова! – взмолился молодой человек. – Я так долго его отучал!

– Понял! Молчу...

Они и вправду помолчали немного. Потом Анатольич не выдержал.

– Так как ты с ним живёшь-то? Расскажи хоть... – шёпотом попросил он, с опаской поглядывая на попугая.

– Мы хорошо живём, – бодро ответил Лёня. И стал рассказывать, как он учит Горация стихам, чем кормит, и вообще про всё на свете. Короче, болтал без умолку – уж этому-то он научился за последние месяцы! По правде говоря, юноша не хотел расспросов. И к тому же очень боялся, что если Анатольич начнёт говорить, то вдруг не сдержится и употребит какое-нибудь словечко из тех, которые он, Лёня, так старался вытеснить из головы Горация. И тогда... тот кое-что вспомнит.

Но Анатольич был мужик понятливый. Он только цокал языком в ответ на Лёнины рассказы, а потом проницательно заглянул парню в глаза.

– А ждёшь-то... её?

Лёня покраснел и молча кивнул.

– Не жди, – веско сказал дальнобойщик. – Не стоит того. Вон у тебя друг какой хороший, а ты его по холоду в сумке таскаешь. А если поморозишь?

Зима, и правда, была в самом разгаре. И Лёня с ужасом понял, что – да, прав Василий Анатольевич. Хотя он и заматывает клетку своим свитером, и идти им до метро – рукой подать, всё равно, нельзя подвергать Горация такой опасности. Что он будет делать, если попугай заболеет?!

Лёня посмотрел прямо в лицо этому хорошему человеку, сидевшему вместе с ним на лавочке, и сказал:

– Вы правы. Не буду.

В метро с попугаем он больше не ходил.

* * *

Как-то незаметно пришла весна. И однажды в начале апреля случилось то, о чём так долго мечтал и к чему когда-то так готовился Лёня. Но, как это часто бывает, юноша оказался не готов и в первый момент растерялся.

Собираясь сесть в поезд на станции «Лубянка», он вдруг заметил впереди, чуть вправо от себя, то самое жёлтое пальто. О, он узнал бы его из тысячи! Юноша заволновался, что опять упустит свою прекрасную незнакомку, и решительно бросился следом за нею, расталкивая народ. Догнав девушку уже на платформе, он коснулся её плеча.

– Девушка, здравствуйте! У меня к вам важное дело!

– Какое-такое дело? – дёрнулась та. – Вы что себе позволяете?!

– У меня ваша птица, – широко улыбаясь, сообщил Лёня. – Вы забыли её тогда, на «Красносельской».

– Какая ещё птица? – воскликнула незнакомка. – Отстань-

те вы от меня!

Но по тому, как она покраснела и отвела глаза, ясно было, что она прекрасно поняла, о какой птице идёт речь.

А на Леонида вдруг накатила холодная злость. Вот, значит, как! Он почти четыре месяца просидел на лавочке в метро «Красносельская», полгода переучивал-перевоспитывал её попугая-сквернослова, а она делает вид, что никакого отношения к нему не имеет и знать его не знает! Ну и пусть! Он тоже знать её больше не желает! Хотя – почему «больше»? Он её и не знал никогда... Человек, который может вот так, запросто, выбросить живое существо и не испытывать никаких угрызений совести, не достоин того, чтобы о нём думали.

Злость уступила место презрительному спокойствию. И ещё – юноша почувствовал неожиданное облегчение. Пришла мысль: «Зато Гораций теперь только мой. И не надо даже вспоминать о его прошлых владельцах».

Лёня расправил плечи и шагнул в вагон, не сказав больше ни слова «девушке своей мечты». Он на неё и не смотрел. Однако на «Чистых прудах» кто-то робко коснулся его рукава. Это была та, в жёлтом пальто.

– Простите меня, – пробормотала она, – неловко получилось. Просто это так неожиданно...

– Да уж, – холодно ответил Леонид, – это было действительно неожиданно... когда птица заговорила.

– Ещё раз – простите! – уже с мольбой повторила девуш-

ка. – Значит, Гога у вас? Как он? И как вы... с ним справляетесь?

Лёня сдержанно усмехнулся.

– Неплохо. Но пришлось потрудиться. Короче, я его переучил. Так что теперь он – вполне воспитанный попугай. Только зовут его теперь не Гога, а Гòра, то есть, Гораций.

– Правда?

Незнакомка подняла глаза, в которых теперь сияла искренняя радость и облегчение. И у Лёни как-то уже не получалось на неё сердиться.

– Правда. Если хотите, можете его проведать. Или... вы хотите его забрать?

– Ой, нет! Что вы! Он ваш по праву! Но... я действительно рада была бы его навестить. Понимаете, – девушка заговорила быстро, как бы стараясь оправдаться за свои прошлые поступки, – его мне Валера подарил, на день рождения...

– Это ваш... жених? – уточнил Лёня. Ему вдруг стало так легко разговаривать с той, о которой он столько думал. Будто он знал её давным-давно.

– Бывший, – чуть покраснев, ответила та. – Так вот. Когда выяснилось, что... у Гоги очень специфическая лексика, я попросила его забрать попугая обратно. Ну, не могла я его держать дома! Вы меня понимаете?

Лёня согласно кивнул.

– А он?

– Отказался. Ещё и обиделся, что я, мол, не ценю его по-

дарка. Говорил – попугаи жакко очень дорогие, а я...

– Понятно, – уже весело сказал молодой человек. – Записывайте телефон. Меня зовут Леонид.

– А я Лена. – Девушка достала телефон и быстро записала продиктованный номер.

– Ну, что ж, Лена... Приходите в гости. Гдѐра будет очень рад. Он очень ласковый попугай.

– Я знаю, – тихо отозвалась девушка. – Он у меня два дня всё-таки прожил. И я на самом деле вовсе не собиралась его в метро оставлять. Просто так вышло... Я хотела Валеру остановить, и вообще ни о чём не думала. А Гогу мне было очень жалко... Правда-правда. – Она минуту помолчала и добавила чуть смущѐнно: – А он действительно больше не ругается? Совсем?

– Честное слово! – торжественно заверил её Леонид и улыбнулся. – Только одно наследие прошлого у него осталось. Но с этим уж ничего не поделаться – больно часто он слышал эти слова...

– И какие же? – слегка напряглась Лена.

– «Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Сокольники»...», – изобразил Лѐня голосом попугая. И добавил уже своим собственным: – Слишком долго мы вас, Лена, ждали на «Красносельской».